

Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая»

Наталья Александровна Гриднева

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
Контакт для переписки: n.gavrilina83@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изображению Москвы в книге известной современной писательницы Наринэ Абгарян «Понаехавшая» (2011). Цель исследования — раскрытие специфики образа российской столицы середины 1990-х гг., где разворачиваются основные события рассказываемой истории, во многом автобиографической. Поэтика пространства в произведениях Наринэ Абгарян является важным направлением в изучении ее творчества, однако до сих пор книга «Понаехавшая» в данном ракурсе не рассматривалась, что определяет актуальность исследования. Специфика образа Москвы раскрывается в статье через анализ ключевых для произведения московских локусов (Петровки и гостиницы «Интурист»), а также персонажей-москвичек (начальницы Понаехавшей О. Ф. и квартирной хозяйки тети Поли), выступающих для героини главными помощницами в «освоении» Москвы. Петровка, с описания которой начинается книга, открывает перед читателем погруженную в кризис Москву. В этом образе находят отражение важные социокультурные реалии того времени: стихийная уличная торговля, запущенный городской ландшафт, массовая бедность, не виданные ранее импортные товары, слишком дорогие для большинства горожан, и др. Героиня, спешащая по Петровке на собеседование в банк, предстает в пространстве нового для нее города растерянной, беспомощной, чужой. Образ гостиницы «Интурист», ранее бывшей символом прогресса и технического совершенства, а ныне обедневшей и оказавшейся под угрозой сноса, обнаруживает сходство с недавно распавшимся СССР, также долгое время считавшимся передовым и перспективным проектом. Образы москвичек О. Ф. и тети Поли, которые берут опеку над героиней, актуализируют традиционные представления о Москве как о городе-женщине и ассоциируемые с женским началом такие качества, как душевность, радушие, заботливость. Связанные с этими образами пространства (пункт обмена валют, где работает героиня, и квартира, где она снимает комнату) оказываются пространствами доверия, близости, защищенности, поддержки и становятся для Понаехавшей «ее» Москвой.

Ключевые слова: Наринэ Абгарян, «Понаехавшая», образ Москвы, московский текст, локальный текст, геопоэтика, современная русская литература

Цитирование: Гриднева Н. А. 2023. Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 2(34). С. 54–68. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-54-68>

Поступила 18.02.2023; одобрена 28.02.2023; принята 18.06.2023

The image of Moscow in Narine Abgaryan's *The Newcomer*

Natalia A. Gridneva

Samara State Technical University, Samara, Russia
Corresponding author: n.gavrilina83@mail.ru

Abstract. This article examines the portrayal of Moscow in the book *The Newcomer* (2011) by Narine Abgaryan. This study aims to identify the distinctive features of Moscow's image during the 1990s, when the story takes place. The study of the poetics of space in Narine Abgaryan's works is an important aspect of understanding her creativity. However, *The Newcomer* has not yet been analyzed from this perspective. This article explores the specific image of Moscow by examining key locations, such as Petrovka and the "Intourist" hotel, as well as the characters of O. F. and Aunt Polly, who play crucial roles in the protagonist's exploration of the city. Petrovka, described at the beginning of the book, portrays Moscow in crisis, reflecting the socio-cultural realities of the time, including street trading, neglected urban landscapes, mass poverty, and expensive imported goods. As the protagonist rushes along Petrovka for a job interview at a bank, she feels lost, helpless, and alienated in this unfamiliar city. The image of the "Intourist" hotel, once a symbol of progress and technical excellence, now represents impoverishment and the threat of demolition, mirroring the disintegration of the USSR, which was once seen as a promising project. The characters O. F. and Aunt Polly embody traditional representations of Moscow as a nurturing city-woman, associated with qualities such as warmth, hospitality, and care. The spaces connected to these characters, such as the currency exchange point and the rented apartment, become places of trust, closeness, security, and support, forming "her" Moscow for the protagonist in *The Newcomer*.

Keywords: Narine Abgaryan, *The Newcomer*, image of Moscow, Moscow text, local text, geo-poetics, contemporary Russian literature

Citation: Gridneva N. A. (2023). The image of Moscow in Narine Abgaryan's *The Newcomer*. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(2), 54–68. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-54-68>

Received Feb. 18, 2023; Reviewed Feb. 28, 2022.; Accepted Jun. 18, 2023

Введение

Поэтика пространства в произведениях Наринэ Абгарян привлекает внимание многих исследователей. Чаще всего предметом изучения становится образ родного армянского города писательницы — Берда, который долгие годы служит ей источником вдохновения и в котором разворачиваются сюжеты нескольких ее произведений.

Между тем Москва, куда Наринэ Абгарян переехала в 1993 г. из воюющей Армении, сыграла и продолжает играть не менее важную роль в ее жизни. Она признается: «Я уверена, что именно Москва сделала меня писателем, и ей за это благодарна» [Абгарян, Стулова, 2020]. Теме «покорения» российской столицы Наринэ Абгарян посвящает книгу «Понаехавшая», во многом автобиографическую. Здесь Москва оказывается не просто фоном. Уже «имя» героини — то, под которым она фигурирует в книге и которое выносится в заглавие, — указывает на определяющую (можно сказать — сущностную) для нее роль взаимоотношений с российской столицей на взятом отрезке жизненного пути.

Цель данной статьи — раскрытие специфики образа Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая». В центре нашего внимания оказываются, в частности, ключевые для художественного пространства произведения московские локусы, вписанные в конкретные исторические координаты, и персонажи-москвички, в значительной степени определяющие восприятие Москвы героиней. Предметом анализа становятся образы и эпизоды, связанные с ландшафтными, социокультурными и культурно-историческими особенностями Москвы 1990-х гг., т. е. теми характеристиками, которые в своей совокупности определяют своеобразие художественной картины мира, выстроенной в парадигме геопоэтических описаний [Александрова-Осокина, 2020, с. 219].

Обзор литературы

Проблемы, связанные с художественным осмыслением пространства и пространственной организацией литературных произведений, всегда находились в центре внимания исследователей. Особое место здесь занимают художественные произведения, имеющие географически маркированное место действия, специфика которого в значительной степени определяет их тематику, проблематику, символику, систему образов и мотивов.

Традиционно в отношении семиотики отдельного географического пространства и ее отражения в искусстве ведется речь о некоем «локальном тексте», под которым понимается «совокупность растиражированных в культуре и словесности представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии,

образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками» [Шафранская, 2017, с. 22].

Заметим, что использование термина «локальный текст», как и других понятий, связанных с «интеллектуальным и эстетическим освоением географических территорий, ландшафтов, топографических мест» [Сид, 2015, с. 153] («геопозэтика», «культурная география», «гуманитарная география», «образная (имагинальная) география», «метафизическая география», «метагеография», «геокультурология», «картография культуры» и др.), до сих пор остается весьма вольным и даже противоречивым. Однако продолжающаяся работа в этом направлении говорит о его актуальности и перспективности. В последние годы мы наблюдаем новый виток развития литературно-регионоведческих исследований, которые обретают всё более концептуальный и целостный характер, вскрывают новые культурные смыслы изучаемых географических локаций. Среди наиболее значимых работ, рассматривающих геопозэтику региональных текстов, — труды о произведениях, связанных с Русским Севером, Крымом, Сибирью и Уралом [Власова, Ведерников, 2019; Кораблев, 2019; Трубицина, 2019; Созина, 2020; Бурцева, 2021; Цвигун, Черняков, 2022].

Среди прочих локальных текстов особое место, конечно, занимает «московский текст». Его изучение позволило выявить целую систему культурных кодов, связанных с развиваемым в его пространстве московским мифом: Москва осмысливается как город-спаситель, город-храм (миф о Третьем Риме), город-женщина, город на крови (миф о клятвопреступлении) и т. д. Выделены отдельные периоды в истории «московского текста». Если в петровскую эпоху и долгое время потом миф о Москве оказывается в тени петербургского мифа и «московский текст»¹ развивается в русле быто- и нравоописания, то в XX в. он «начинает восприниматься в единстве мифопоэтических, топонимических и топографических, ландшафтно-климатических и знаково-символьных составляющих» [Селеменова, 2015, с. 94]. В XXI в. «московский текст» продолжает обнаруживать ставшие традиционными для него мифопоэтические черты, но в то же время уже отражает новые реалии и изображает Москву как «имперскую обманку», сулящую быстрый карьерный успех и личное благополучие, но в итоге погружающую героя в офисное рабство и доведенное до автоматизма существование [Немзер, 2003, с. 193].

Москва — одна из центральных точек в системе российских геомифологических координат и один из ключевых пространственно-географических образов русской литературы. «Московский текст» имеет обширнейшую библиографию, среди его создателей значатся такие авторы, как Л. Н. Толстой, А. Белый, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, А. П. Платонов, М. А. Булгаков, Б. Л. Пастернак, И. А. Бунин, Ю. В. Трифонов, В. С. Маканин, В. А. Гиляровский, Ю. М. Поляков, М. И. Цветаева, С. А. Есенин, О. Э. Мандельштам, А. А. Вознесенский, С. А. Шаргунов, Р. В. Сенчин, О. А. Славникова, Е. В. Гришкoveц, Д. М. Липскеров и др. Именно их творчество находится в центре внимания исследователей, занимающихся изучением образа Москвы в русской литературе [Селеменова, 2009; Рощина, 2012; Егорова, 2019; Ибадова, 2020; Новикова, 2020; Сяся, 2022].

¹ За исключением творчества Л. Н. Толстого, наполнившего образ Москвы глубоким историко-ософским содержанием и сделавшего его символом соборности и патриотизма.

Книга Наринэ Абгарян «Понаехавшая» до сих пор в данном ракурсе не рассматривалась, хотя проблематика, связанная с пространством, можно сказать, составляет отдельное направление в изучении творчества писательницы [Кузьминых, Вязовская, 2019; Смирнова, 2019; Кочетова, 2021] наравне с такими темами, как автобиографическое повествование [Цатурян, 2017; Кихней, Осипова, 2019], приемы создания комического [Кульгавчук, 2018], тенденции развития женской [Кульгавчук, 2022] и детской [Денисенко, Дмитриевская, 2021; Монисова, 2021] прозы. Многие специалисты, занимающиеся изучением поэтики пространства в книгах Н. Абгарян, отмечают ее мастерство и говорят, в частности, об успешном воссоздании через геопоэтические образы самобытной национальной картины мира и осмыслении в этноонтологическом ключе вечных сюжетов мирового искусства, интерпретации универсальных моделей бытия [Смирнова, 2018, с. 873].

Книга «Понаехавшая» с точки зрения отражения национально-культурной специфики также может представлять собою определенный интерес. Так, Е. А. Николаева пишет о заложенном в героине семье и социокультурной средой архетипе Матери, который в значительной степени определяет действия Понаехавшей, позволяя таким образом освоить пространство нового для нее города. Воспитанная в традициях бережного отношения друг к другу, она неосознанно выделяет соответствующие символы в новой для нее среде и «генерирует вовне свое, уже дополненное спецификой нового социума отношение, воспринимаемая людьми как членов сети отношений, от которых они зависят, а не как оппонентов в соревновании прав» [Николаева, 2017, с. 165].

Образ Москвы, «покорение» которой составляет сюжетную канву «Понаехавшей», однозначно, заслуживает отдельного рассмотрения. Он получает в книге весьма детальную разработку: здесь обозначены конкретные московские локации, находят отражение многие реалии того времени, некоторые связанные с Москвой образы и эпизоды наделяются символическим звучанием, актуализируются традиционные мифопоэтические черты российской столицы, персонажам-москвичкам отводится ключевая роль в судьбе героини, постепенно осваивающейся в пространстве столичного города.

Результаты и обсуждение

Образ Петровки

Книга открывается описанием Петровки, которая, впрочем, как всегда впоследствии, предстает хмурой, неприветливой:

«Петровка — улица недлинная и достаточно.bestолоквая. На тротуарах свалевшимися сугробами лежит подтаявший снег — не пройти, не протолкнуться. Любой мчащийся мимо автомобиль норовит окатить с ног до головы холодной грязной жижей. Декабрь 94-го выдался слякотным и отходчивым на морозы — всё, что намело ноябрем, вся мелкая и колючая снежная крупа, нещадно летящая в лицо и норовящая забиться под воротник, — всё это таяло и исходило капелью, оставляя серые потеки на боках невысоких старых зданий» [Абгарян, 2022, с. 5].

Подобные черты — неухоженность, запущенность, неуютность, невзрачность — становятся ключевыми для ландшафта всей Москвы, которая изображается в книге

уставшей, погруженной в уныние и тоску, тяжело переживающей наступившие — как называет их мама героини — «темные времена» [Абгарян, 2022, с. 6].

Примечательно, что Петровка, одна из центральных, самых старых и самых интересных улиц Москвы, почти лишается в книге своей индивидуальности, оказывается безликой и описывается так, как в принципе могли бы быть описаны сотни других, в том числе ничем не примечательных улиц российских городов. Культурно-историческое богатство Петровки и всей Москвы остается вне поля зрения автора и ее героев.

Надо заметить, что подобный, значительно обесцененный в культурном плане образ столицы является весьма типичным для современной русской литературы, где на смену героям-праведникам и героям-странникам приходят «герои-обыватели, равнодушные ко всему, что выходит за зону личного комфорта», и «герои-карьеристы, воспринимающие столицу как жизненный трофей» [Селеменова, 2015, с. 102]. Понаехавшую, вероятно, можно было бы отнести к последней категории, если бы не ее отнюдь не равнодушное отношение к Москве, которое со всей ясностью обнаруживает себя, например, в письмах героини на родину. Скорее мы имеем дело с попыткой изобразить Москву сосредоточенной на своем желании выжить, на решении самых насущных проблем. Даже многочисленные торговые ряды на Петровке не столько передают культурно-историческую специфику этой улицы, которая всегда была и до сих пор остается торговой, сколько служат печальной приметой того времени, когда уличная торговля, в том числе старым имуществом, оказалась единственным источником дохода для миллионов обедневших россиян:

«Кругом царил торговый дух: от станции «Кузнецкий мост» и до ЦУМа тянулись ряды из складных столиков, густо заставленных книгами, оренбургскими платками, самоварами, старыми швейными машинками, водкой, упаковками непривычно вкусной импортной жвачки „Ригли“ и батончиками „Марс“ и „Сникерс“. Там и сям аккуратными горками высились диковинные пушистые фрукты киви и гроздь желтых, спелых бананов. Киви стоили каких-то бешеных денег, поэтому люди их брали поштучно.

— Просто попробовать, — зачем-то объясняли продавцам» [Абгарян, 2022, с. 5–6].

Мелькающие на прилавках «упаковки *непривычно вкусной* импортной жвачки» (курсив мой — Н. Г.), перечисляемые «поименно» заграничные шоколадные батончики, невиданные ранее москвичами тропические фрукты служат отсылкой к рухнувшему железному занавесу и открывшемуся в итоге светлому образу западного мира, где — в противовес обнищавшей и ввергнутой в уныние Москве — царят благополучие, изобилие и успех. Это противопоставление развивается далее, усиливая негативные черты образа российской столицы как топоса беспросветной бедности и упадка. Москвичи тянутся к заветному, манящему западному миру, но его блага и удовольствия оказываются прерогативой избранных и малодоступными для всех остальных. В этом плане очень показательным является, например, эпизод с недавно открывшимся фирменным магазином «Данон», куда москвичи ходили как в музей целыми семьями и, будучи не в состоянии купить хоть что-нибудь, прятались от продавщиц за соседними полками и «воровато читали по слогам состав йогуртов»: «Ооооо, взбитые сливки! — трепетали они. — С кусочками папайи и гуавы!» [Абгарян, 2022, с. 26]

Именно на Петровке происходит знакомство читателя с героиней:

«Вдоль стихийно образовавшихся торговых рядов всполошенным пунктиром передвигалась высокая, тощая и носастая девица. На голове дыбилась кусачая вязаная шапка, из-под торчащего колом черного пальто струились убийственно длинные, тонкие ноги» [Абгарян, 2022, с. 6].

«Прижимать к боку сумку девица не умела. Длинные тонкие руки топорщились во все стороны острыми локтями и целомудренно складывались вдоль тела категорически не желали. Поэтому, во избежание ограбления, ляжка сумки перекидывалась через плечо, а сама сумка прижималась сцепленными крест-накрест руками на груди» [Абгарян, 2022, с. 7].

Напуганная слухами о московских ворах-карманниках, она явно не испытывает доверия к окружающей ее толпе и крепко прижимает к груди сумку. Ее нескладная, худая фигура, неловкие движения делают образ еще более уязвимым, беспомощным, несколько нелепым; она, однозначно, не кажется здесь «своей».

Образ гостиницы «Интурист»

Основные события рассказываемой истории разворачиваются в гостинице «Интурист», куда героиня устраивается на работу в пункт обмена валют. Заметим, что «Интурист» начала 1990-х гг. — место весьма спорное. С одной стороны, это, несомненно, культурно-исторический объект, отражавший в свое время дух новизны и прогресса. Создание комплекса во многих отношениях было инновационным, снос старых построек под строительство гостиницы подавался советской прессой как благодостный переход от изжившего себя к новому, лучшему. Хотя здание, в итоге, получилось ниже, чем задумывал его впечатленный американскими небоскребами Всеволод Вознесенский, оно всё равно долгое время оставалось самым высоким сооружением из железобетона в Москве, что уже само по себе весьма символично. С другой стороны, значительная часть общественности считала данный проект неудачным, решение о его строительстве — ошибочным (главным образом, с точки зрения архитектурной эстетики и градостроительства), а в 1980-е гг. гостиница стала центром торговых спекуляций и валютной проституции, что сильно ударило по ее репутации. Неслучайно столичный мэр Юрий Лужков, подписавший распоряжение о сносе гостиницы в 2001 г., сравнил ее с гнилым зубом.¹

Воспроизводимый в книге образ огромной гостиницы, в прошлом вызывавшей восторг и воплощавшей всё самое прогрессивное, а ныне обедневшей и оказавшейся под угрозой сноса, в определенном смысле символизирует собой трагедию всей большой страны, которая ранее также казалась многим исключительно перспективным проектом, но потерпела крах и фактически была признана исторической ошибкой.

Контраст между славным прошлым и бесславным настоящим мы видим уже в первом предложении посвященной отелю главы. Здесь констатируется заметное противоречие между его не лучшим состоянием, уже обнаруживающим следы обнищания и упадка, и всё еще сохраняющимися претензиями на солидность и эксклюзивность: «„Интурист“

¹ На месте «Интуриста» открыли «Ритц» // Комсомольская правда. 8 декабря 2006 г. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/23820.4/60942/>

оказался весьма посредственной гостиницей с обшарпанными интерьерами и запредельными ценами на сервис» [Абгарян, 2022, с. 31].

Показная дешевая «роскошь» в сочетании с абсолютной неприспособленностью, неустроенностью отличает и пункт обмена валют, где трудится героиня. Это — бывший торговый павильон, который «фальшиво переливался золотом, серебром, стеклянным блеском да ампириными загогулинами насмерть приваренного к стенке зеркала» [Абгарян, 2022, с. 22] и который, «может быть, для продажи зажигалок ... очень даже был приспособлен, но для обмена валюты — решительно нет» [Абгарян, 2022, с. 20]. История обретения нового, более или менее адекватного предполагаемым функциям павильона, полная «скандалов, шантажа и других леденящих душу трепыханий» [Абгарян, 2022, с. 55], растягивается более чем на год и становится в книге отдельной темой.

Всё ту же не очень удачную попытку приспособиться к новым условиям, скрыть, приукрасить (в прямом и переносном смысле слова) пугающе бедственное положение демонстрирует эпизод с баяном в торговых ларьках, расположенных в фойе гостиницы. Больше того, образ баяна, служащего теперь приманкой для потенциальных покупателей, вызывает ассоциации с неприкаянностью и абсолютной беспомощностью перед лицом внешних обстоятельств. Его «потустороннее стенание» и «красные бока» содержат отсылку к теме мученической смерти, гибели. Образ может быть воспринят как символ трагедии тех многочисленных россиян, которые, лишившись в 1990-е гг. привычной почвы под ногами, так и не смогли найти себя в изменившихся условиях:

«Каждое утро две худенькие продавщицы выволакивали баян из-под прилавка и вешали на устрашающий, но элегантно обмотанный мерцающей гирляндой мясницкий крюк. Баян с потусторонним стенанием разворачивал полукругом свои мехи и покачивался на сквозняке, укоризненно выставив на обозрение красные бока. В течение дня всяк мимо проходящий считал своим долгом дернуть за свободный ремень и изобразить на клавиатуре что-то отдаленно музыкальное» [Абгарян, 2022, с. 31–32].

Глупое, неумелое притворство, плохо скрывающее реальное положение дел, мы видим и в историях обитателей «Интуриста», образы которых обретают трагикомические черты. Молодые продавщицы элитного мехового салона, гордо расхаживающие по фойе в роскошных шубах с предусмотрительно спрятанным в рукав ценником и демонстративно говорящие «исключительно на смеси иностранных языков», в реальности вынуждены терпеть абсолютно хамское обращение со стороны своих клиентов — «братков в малиновых пиджаках». «Бравая, закованная в униформу охрана» в «убедительно выпирающей из-под пиджака кобуре» вместо оружия, которым начальство не в состоянии ее обеспечить, хранит «заботливо нарезанные бутерброды и всякую другую мелкую трапезу» и при ограблении спасается от преступников бегством [Абгарян, 2022, с. 32–33]. Профессиональные обязанности Георгия, влюбленного в Понаехавшую работника одного из находящихся в «Интуристе» офисов, сводятся к тому, что он «пускает пыль в глаза»: «потрясая папками „Херлиц“, прикуривая от „Зиппо“ и щелкая лжезолотой ручкой „Паркер“» [Абгарян, 2022, с. 121], герой создает «видимость успешности и безусловной европеизированности ассоциации» [Абгарян, 2022, с. 120].

В представлении своих обитателей «Интурист» — место для избранных, «чуть ли не небожителей» [Абгарян, 2022, с. 32], так что холодный прием, оказанный ими Понаехавшей и ее коллегам, когда те начинают работать в пункте обмена валют, не вызывает удивления. Недоверие «коренных интуристовцев» к «опасным чужакам», вдруг появившимся в их «ареоле обитания» [Абгарян, 2022, с. 19], словно обыгрывает известный стереотип о неприветливых к приезжим москвичам, делая максимально ощутимой границу «свой/чужой», изначально заложенную в любой истории покорения столицы провинциалом. Это ощущение усиливается физической границей, изолированностью, замкнутостью пространства гостиницы («В целях безопасности блокировался вход в гостиницу... Ночью на Тверской было страшно... Гостиница никакого отношения к ночной Тверской не имела — она жила своей жизнью...» [Абгарян, 2022, с. 203]), а также отсылкой к образу Рубикона (река как граница) в описании поворотного момента в истории развития отношений героини с другими работниками отеля («Таким нехитрым способом Рубикон был перейден, и „Интурист“ повернулся к девочкам лицом» [Абгарян, 2022, с. 36]).

Образы москвичек О. Ф. и тети Поли

Как замечает П. Крусанов,

«пока пространство не напитается яркими жизнями, жертвенными смертями, талантами и мечтами его насельников, оно не оживет, не одухотворится, останется просто камнем, перекрестком, улицей — предметом без всякой метафизики и внутреннего огня, ветшающим без грусти и умирающим раз и навсегда, как случайная чепуха, как вещь без эйдоса» [Крусанов, 2017, с. 449].

Фокус внимания Н. Абгарян и ее героини — именно на людях, их характерах, взаимоотношениях и судьбах. Очень примечательно, что большую часть книги составляют частные истории. Многие из них вписаны в общую канву сюжета весьма условно, представляют собой, например, ситуации из жизни коллег Понаехавшей, их родственников и знакомых и оформлены в качестве отдельных главок, названных именами своих главных персонажей («Трепетная Наталья», «Галя», «Инкассатор Леша», «Игорь», «Добычица Наташа» и др.).

Некоторые из этих историй, как и целый блок наблюдений автора, посвящены теме взаимоотношений москвичей и приезжих, в том числе иностранцев. Различия между теми и другими автор почти стирает, констатируя: «Странное дело, но жители больших городов ... не сильно отличаются от провинциальных жителей» [Абгарян, 2022, с. 69]. Столкновение двух пространств — столичного и провинциального — оказывается максимально мягким, почти бесконфликтным. Симпатия автора к своим героям примиряет всех между собой, так что граница «свой/чужой» фактически нивелируется. Собственно, такой подход обнаруживает себя уже в заглавии произведения. С одной стороны, здесь ощутима некоторая конфликтность, порождаемая отсылкой к расхожему пренебрежительному обозначению москвичами приезжих покорителей столицы. С другой стороны, языковая игра (нарочное изменение традиционной формы множественного числа на абсолютно нелогичную здесь форму единственного числа) всё оборачивает в шутку и сводит конфликт на нет.

От москвичей Понаехавшая получает немалую поддержку и ободрение. Главную роль в ее судьбе сыграют женщины, что само по себе весьма символично, поскольку Москва, в противовес Петербургу, традиционно ассоциируется именно с женским началом. Собственно, сама тема «покорения» столицы дает отсылку к представлениям о Москве как о городе-женщине, вызывая ассоциации с завоеванием гордой, неприступной красавицы. В «Понаехавшей» более сильными оказываются иные ассоциации — связанные с традиционно приписываемыми Москве душевностью, радушием, материнской любовью.

Уже в самом начале своего пребывания в столице героиня оказывается спасена «сердобольной тетечкой», которая выводит ее, уснувшую в дороге, из вагона идущего в депо поезда метро. Далее заботу о Понаехавшей берут на себя ее начальница О. Ф. и квартирная хозяйка тетя Поля.

Первая — «среднестатистическая, обильно выпивающая и стихийно прелюбодействующая грешница» [Абгарян, 2022, с. 116], она зачастую груба и бесцеремонна, но при этом неизменно добра и участлива, что проявляется уже при приеме Понаехавшей на работу:

«— Чаю хочешь?

— Нет.

— Кому было сказано не перечить? Налей себе чаю, вон, видишь, термос стоит на столе. Печеньё возьми. И сахару в чай положи, три куса. А лучше четыре» [Абгарян, 2022, с. 16].

О. Ф. с невероятной энергией защищает своих сотрудниц, оправдывая их при необходимости перед начальством и огораживая от выпадов со стороны обосновавшихся в «Интуристе» проституток. С ней «девочки были как за каменной стеной» [Абгарян, 2022, с. 128].

Тетя Поля — совсем иная, но также окружает Понаехавшую заботой и вниманием. Это — женщина нелегкой судьбы, пережившая трагедию несостоявшегося материнства и сейчас видящая в Понаехавшей дитя, нуждающееся в помощи и опеке. Тетя Поля тащит героиню до кровати, когда та засыпает на кухне, ставит ей на прикроватную тумбочку иконку Божьей Матери, выхаживает ее, когда та заболевает, собирает ее на собеседование, утешает, когда у той умирает бабушка. Ради Понаехавшей она готова идти на конфликт со своими родственниками и готова оставить ее у себя в квартире бесплатно, а в конце книги, обращаясь к героине, называет ее «дочкой».

Примечательно, что обе героини — тетя Поля и О. Ф. — оказываются связаны с пространством не-улицы. В случае с тетей Полей — это, конечно, пространство Дома, традиционно исполненное теплом, уютом, чувством защищенности, душевной близостью, а в случае с О. Ф. — пространство обменного пункта, которое, несмотря на внешнюю фальшивость в виде «всяких вычурных загогулин» [Абгарян, 2022, с. 20], усилиями героини также становится островком искренности, доверия и взаимной поддержки. Именно эти пространства оказываются основной сценой для разыгрывающихся событий, в то время как детальные описания внешней среды остаются в начале книги: у Понаехавшей появляется ее Москва. Рассказывая подруге о первых неделях работы в обменном пункте, героиня, в начале книги представляющая перед читателем растерянно

бредущей по Петровке девицей, «раздавленной этим новым, огромным городом», заканчивает письмо словами: «За последние полгода я впервые нашарила твердую почву под ногами. Москва меня, кажется, приняла» [Абгарян, 2022, с. 18]

Заключение

В книге «Понаехавшая» Наринэ Абгарян Москва 1990-х гг. предстает в совокупности своих ландшафтных, топонимических и социокультурных характеристик. Пространство города заполняется печальными реалиями того времени — стихийной уличной торговлей, запущенными улицами, не виданными ранее и вызывающими восторг импортными товарами, недоступными для большинства горожан, проститутками, «братками» и массовой приезжих, ищущих в российской столице спасения от нищеты. Москва воспринимается как топос упадка, деградации, уныния. Многие образы обретают символическое звучание, воплощая собой трагедию кризисной эпохи.

С другой стороны, по мере освоения героиней пространства нового для нее города у Москвы появляются иные черты: радушие, душевность, материнское тепло. В значительной степени эти качества, связанные с известными представлениями о Москве как о городе-женщине и потому традиционные для ее мифопоэтики, актуализируются образами москвичек О. Ф. и тети Поли, которые берут Понаехавшую под свою защиту, окружают ее заботой и вниманием. Постепенно Москва становится для Понаехавшей «своей», а ее счастливая история, являющаяся собой вариацию на известную тему «покорения» столицы провинциалом, оказывается не историей карьерного успеха, а историей любви. Неслучайно книга заканчивается строками: «Моей Москве — с любовью, Н. Абгарян» [Абгарян, 2022, с. 222].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абгарян Н. 2022. Понаехавшая. Москва: Издательство АСТ.
- Абгарян Н., Стулова А. 2020. «Я так и осталась робкой „понаехавшей“»: Писательница Наринэ Абгарян — о Москве, научившей ее верить в себя, смешной книжке про похороны и великой эпохе ЖЖ: интервью // Известия. URL: <https://iz.ru/1080147/arina-stulova/ia-tak-i-ostalas-robkoi-ponaekhavshei>.
- Александрова-Осокина О. Н. 2020. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. № 5. С. 216–241.
- Бурцева Ж. В. 2021. Формирование северного локального текста в литературе Якутии: структура и культурный код // Новый филологический вестник. № 2(57). С. 53–66.
- Власова Е. Г., Ведерников А. П. 2019. Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. № 2(63). С. 143–149.
- Денисенко Е. Н., Дмитриевская Л. Н. 2021. Русская картина мира в современной русскоязычной армянской литературе о детях и подростках (на материале произведений Н. Абгарян и М. Петросян) // Российский журнал исследований билингвизма. № 3. С. 54–61.
- Егорова Ю. М. 2019. Образ Москвы в рассказах Шмелёва // Новые российские гуманитарные исследования. № 14. С. 81.

- Ибадова Н. Э. 2020. Художественное время московского текста Юрия Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Том 25. № 3. С. 458–467.
- Кихней Л. Г., Осипова О. И. 2019. Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Том 24. № 4. С. 607–615.
- Кораблев А. А. 2019. Онтология и аспектология локальных текстов // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена». С. 20–27.
- Кочетова К. А. 2021. Мотив моря как элемент поэтики магической реальности в романе Наринэ Абгарян «Симон»: квантитативный аспект // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. № 21. С. 59–65.
- Крусанов П. 2017. Центр новый, незатопляемый // В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории / сост. Н. Соколовская, Н. Шубина. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной. С. 445–458.
- Кузьминых Е. О., Вязовская В. В. 2019. Пространственно-временные координаты художественного мира Н. Абгарян в сборнике рассказов «Дальше жить» // Неофилология. Т. 5. № 19. С. 371–380.
- Кульгавчук М. В. 2018. Для массового читателя? Наринэ Абгарян // Вопросы литературы. № 2. С. 66–76.
- Кульгавчук М. В. 2022. В поисках нравственной нормы: о некоторых особенностях современной русской прозы // Русский язык и культура в зеркале перевода. № 1. С. 625–633.
- Монисова И. В. 2021. Гастрономическая образность в повествовании о мире детства (по повести Н. Абгарян «Манюня») // Традиционная культура в современном мире. История еды и питания народов мира: Материалы V Международного научно-практического симпозиума. Москва. С. 290–297.
- Немзер А. С. 2003. Замечательное десятилетие русской литературы. Москва: Захаров.
- Николаева Е. А. 2017. «Свое» пространство Н. Абгарян: к вопросу о специфике воплощения архетипа матери в современной литературе // Социология. № 4. С. 162–165.
- Новикова Е. А. 2020. Москва в произведениях Ивана Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. № 4. С. 109–115.
- Рощина О. В. 2012. Образ «Москвы кабацкой» в творчестве С. А. Есенина и В. А. Гиляровского // Современное есениноведение. № 21. С. 34–39.
- Селеменова М. В. 2009. «Московский текст» в русской литературе XX века (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. № 2. С. 20–27.
- Селеменова М. В. 2015. Образ Москвы в русской литературе начала XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. № 4. С. 93–103.
- Сид И. 2015. История понятия «геопэтика» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 11 (722). С. 153–170.
- Смирнова А. И. 2018. Новая женская проза: на перекрестке культур // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 6. С. 871–876.

- Смирнова А. И. 2019. Пространство локального текста в инациональной женской прозе (Н. Абгарян «С неба упали три яблока») // Восток — Запад: Пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга. Волгоград. С. 427–433.
- Созина Е. К. 2020. Геопоэтика национального ландшафта в русской литературе // Уральский исторический вестник. № 2(67). С. 99–106.
- Сяоя Д. 2022. Образ Москвы в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 1. С. 166–174.
- Трубицина Н. А. 2019. Геопоэтика Крыма в творчестве Михаила Пришвина // Культура и текст. № 3(38). С. 87–97.
- Цатурян Е. И. 2017. Хронотоп автобиографического романа (на материале трилогии Н. Абгарян «Манюня») // Филология. № 1(7). С. 32–35.
- Цвигун Т. А., Черняков А. Н. 2022. К геопоэтике города К.: оптики чувствования // Слово. ру: балтийский акцент. Том 13. № 4. С. 111–123.
- Шафранская Э. Ф. 2017. Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1. С. 22–29.

References

- Abgaryan, N. (2022). *The Newcomer*. Izdatel'stvo AST. [In Russian]
- Abgaryan, N., & Stulova, A. (2020). "I'm still a shy newcomer": The writer Narine Abgaryan about Moscow, which taught her to believe in herself, a funny book about funeral, and the great epoch of Live Journal: interview. *Izvestiya*, Oct. 30. <https://iz.ru/1080147/arina-stulova/ia-tak-i-ostalas-robkoi-ponaekhashei> [In Russian]
- Alexandrova-Osokina, O. N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. *Nauchnyj dialog*, (5), 216–241. [In Russian]
- Burtseva, Zh. V. (2021). The formation of the northern local text in the literature of Yakutia: its structure and cultural code. *Novyj filologicheskij vestnik*, (2), 53–66. [In Russian]
- Vlasova, Ye. G., & Vedernikov, A. P. (2019). Travelogues in the history of the Urals' literary discovery: to the question of the genre role in the local text structure. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (2), 143–149. [In Russian]
- Denisenko, E. N., & Dmitrievskaya, L. N. (2021). The Russian picture of the world in modern Russian-language Armenian literature about children and adolescents (based on the works by N. Abgaryan and M. Petrosyan). *Rossiiskij zhurnal issledovaniy bilingvizma*, (3), 54–61. [In Russian]
- Yegorova, Yu. M. (2019). The image of Moscow in the short stories of Shmelev. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, (14), 81. [In Russian]
- Ibadova, N. E. (2020). The artistic time of the Moscow text by Yuri Polyakov. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 25(3), 458–467. [In Russian]
- Kikhney, L. G., Osipova, O. I. (2019). The narrative structure in the N. Abgaryan's trilogy "Manyunya." *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 24(4), 607–615. [In Russian]

- Korablev, A. A. (2019). The ontology and aspectology of the local texts. *Proceedings of the Research Conference: Vostok — Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore: sbornik nauchnyh statej k 70-letiyu professora A. H. Gol'denberga, Russia* (pp. 20–27). [In Russian]
- Kochetova, K. A. (2021). The motif of the sea as an element of the poetics of magical reality in Narine Abgaryan's novel "Simon": quantitative aspect. *Russkaya filologiya: uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (21), 59–65. [In Russian]
- Krusanov, P. (2017). The Center is new, un floodable. In N. Sokolovskaya, N. Shubina (eds.). *V Pitere zhit': ot Dvorcovoј do Sadovoј, ot Gangutskoj do Shpalernoј. Lichnye istorii*. Redakciya Eleny Shubinoј. [In Russian]
- Kuzminykh, E. O., & Vyazovskaya, V. V. (2019). Spatiotemporal coordinates of the artistic world of N. Abgaryan in the storybook *To Live Further*. *Neofilologiya*, 5 (19), 371–380. [In Russian]
- Kulgavchuk, M. V. (2018). For a mass reader? Narine Abgaryan. *Voprosy literatury*, (2), 66–76. [In Russian]
- Kulgavchuk, M. V. (2022). In search of a moral norm: some features of modern Russian literature. *Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*, (1), 625–633. [In Russian]
- Monisova, I. V. (2021). The gastronomic imagery in the narration about the childhood world (the novel *Manyunya* by N. Abgaryan). *Proceedings of the International Research Symposium "Tradicionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i pitaniya narodov mira," Russia* (pp. 290–297). [In Russian]
- Nemzer, A. S. (2003). *A Wonderful Decade of the Russian Literature*. Zakharov. [In Russian]
- Nikolaeva, E. A. (2017). N. Abgaryan and "her" space: on the issue of specifics of Mother-archetype realization in the modern literature. *Sociologiya*, (4), 162–165. [In Russian]
- Novikova, E. A. (2020). Moscow in the works of Ivan Bunin. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, (4), 109–115. [In Russian]
- Roshchina, O. V. (2012). The image of "kabak Moscow" in the works of S. Esenin and V. Gilyarovskij. *Sovremennoe esinovedenie*, 21, 34–39. [In Russian]
- Selemeneva, M. V. (2009). "Moscow text" in the Russian literature of the 20th c. (the case of the prose of 1910–1950s). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, (2), 20–27. [In Russian]
- Selemeneva, M. V. (2015). Image of Moscow in Russian literature of the early twenty-first century. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, (4), 93–103. [In Russian]
- Sid, I. (2015). The history of the concept "Geopoetics." *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, (11), 153–170. [In Russian]
- Smirnova, A. I. (2018). New female prose: at the crossroads of cultures. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii*, (6), 871–876. [In Russian]
- Smirnova, A. I. (2019). The space of the local text in the foreign national female prose (N. Abgaryan's *Three Apples Fell from the Sky*). In *Vostok — Zapad: Prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore: Sbornik nauchnyh statej k 70-letiyu professora A. H. Gol'denberga* (pp. 427–433). [In Russian]
- Sozina, E. K. (2020). Geopoetics of the national landscape in Russian literature. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (2), 99–106. [In Russian]
- Xiaoxia, D. (2022). The image of Moscow in the novel "Doctor Zhivago." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, (1), 166–174. [In Russian]

- Trubitsina, N. A. (2019). Geopoetics of Crimea in creative work of Mikhail Prishvin. *Kul'tura i tekst*, (3), 87–97. [In Russian]
- Tsaturyan, Ye. I. (2017). Chronotope of autobiographic novel (the case of N. Abgaryan's *Manyunya* trilogy). *Filologiya*, (1), 32–35. [In Russian]
- Tsvigun, T. A., & Chernyakov, A. N. (2022). The geopoetics of the city K.: the optics of perception. *Slovo.ru: baltiiskij accent*, 13(4), 111–123. [In Russian]
- Shafranskaya, E.F. (2017). Liars and fantasizers as a pattern of the 20th c. local texts. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, (1), 22–29. [In Russian]

Информация об авторе

Наталья Александровна Гриднева, кандидат филологических наук, доцент, доцент, кафедра педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>

Information about the author

Natalia A. Gridneva, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Pedagogics, Cross-Cultural Communication and Russian as Foreign Language, Samara State Technical University, Samara, Russia
n.gavrilina83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1886-6040>